

ВЕСНА В ТРУБНИКОВСКОМ

В СТОЛОВОЙ у Остроуховых сидели гости. За самоваром добрая грузная Надежда Петровна разливала чай. Лицо у нее было не красивое, рыхлое, но необычайно приветливое, и привлекала она людей внимательным и сердечным отношением ко всем и ко всему.

Сам хозяин, Илья Семенович, громадный старик с бородкой и мясистым носом, над которым сверкали выпуклые стекла очков, был весел и радушен. Он слегка шепелявил и свою фамилию произносил так, что получалось «Остляухов». Илья Семенович, художник, прославившийся своими пейзажами и знаменитой картиной «Сиверку», был обладателем, пожалуй, ценнейшей в России коллекции древних икон. Небольшой особняк, в котором он собирал свой музей, находился в Трубниковском переулке. Позади дома был садик, где в этот майский вечер начинала цвести сирень. Все это происходило незадолго до революции.

Над столом висела большая лампа под зеленым шелковым абажуром, а вокруг расположились гости. Был там философ Лопатин с супругой, священник Сергей Николаевич Дурылин, впоследствии снявший с себя сан и ставший одним из известнейших критиков-искусствоведов, были мои родители — Петр Петрович и Ольга Васильевна. Они привели с собой и меня, четырнадцатилетнюю гимназистку. Но самыми интересными гостями были художник Константин Алексеевич Коровин и певец Федор Иванович Шаляпин.

Надежда Петровна, возле которой, как мне помнится, не было детей, очень любила, когда друзья приводили к ней своих. Усадив рядом с собой, она усиленно угощала меня. У всех в этот вечер было какое-то беззаботное, весеннее настроение. Седьмой Лопатин, тот самый философ-идеалист, учение которого впоследствии в пух и прах разбивал в своих статьях Владимир Ильич Ленин, благодушествовал.

— Я, вы знаете, Надежда Петровна, — говорил он, — последнее время совсем забросил вопросы психологии...

Коровин, как всегда, рассказывал остроумные небылицы из своих охотничьих походов. Отец мой, которому было около сорока лет, весело подтрунивал над Шаляпиным, они были друзьями.

— А вы знаете, Илья Семенович, что Федор выкинул на последнем концерте? — смеясь, говорил Петр Петрович. — Я сам был свидетелем всему.

Он повернулся к Шаляпину. Тот, откинувшись на спинку кресла, серьезно и даже строго глядел на моего отца, склонив голову набок.

— Нет, в самом деле, представьте себе, что он вдруг в персидской песне «Ах, если б навеки так было» хватил это верхнее «ах», да взял не ту ноту. И вдруг весь побледнел, покачнувшись, схватился за сердце... Весь зал в волнении... Публика повскакала с мест. Аккомпаниатор Кенеман выводит его под руки... Я сам перепугался, кинулся в артистическую. Прихожу: Федор лежит на диване, белый, как полотенце, глаза закрыты. Врач тут же хлопочет, расстегнул ему ворот, дает нюхать нашатырь. Какие-то дамы в истерике бегутся... А он приоткрыл глаза, увидел меня и вдруг незаметно для всех озорно подмигнул мне. Потом сразу опустил веки, поднял подбородок и прикинулся больным. Вот ведь актер-то! — закончил Петр Петрович под общий хохот.

Федор Иванович забарабанил пальцами по скатерти.

— Что ж, бывает и так... — Он вскинул густые золотистые брови и улыбнулся своим небольшим ртом. Пленительно улыбнулся. Был он так хорош собой, что глаз не отведешь!

Засиделись допоздна. Мои родители словно забыли обо мне, а когда вспомнили, было уже за полночь. Гости стали подниматься, поднялись и мы. Все вышли на Трубниковский и распрощались у дверей. Всем надо

было в сторону Арбата, а мы с Шаляпиным пошли по переулку, к Поварской, что ныне называется улицей Вороньего.

Ночь была чудная, огромная луна глядела в пустынный переулочек Шаляпин шел в длинном сером пальто, в руке нес мягкую, серую шляпу. Четкая, черная тень его с широкими плечами и маленькой головой с упрямым хохлом бежала из-под его ног по тротуару.

Мы подошли к церковке Рождества. Через ее проходной двор было удобно выйти на Новинский бульвар, где жил Шаляпин. Шаляпин поднялся по ступенькам на крыльцо с четырьмя пузатыми столбиками.

— Вот где Борису Годуну петь бы надо! А? Как ты думаешь, Петр?..

Он стоял, весь освещенный лунным сиянием, величественный, с лицом, мерцавшим белизной, с трепещущими ноздрями. И вдруг среди яркой весенней ночи зазвучал дивный его голос:

Скорбит душа. Какой-то страх невольный
Зловещим предчувствием
сковал мне сердце.

И, стоя поодаль, мы внимали этому совершенному, проникновенному, глубоко исполнению. Шаляпин пел в полный голос, и не нужно было ему ни оркестра, ни костюма, ни грима. Он пел так, что мы все словно перенеслись с ним в древнюю Русь. И торжественно, и скорбно звучали слова:

О, праведник! О, мой
отец державный!
Воззри с небес на слезы
верных слуг,
И ниспошли ты мне
священное на власть
Благословление. Да буду
благ и праведен
Как ты...

Мощный глубокий голос разливался по всему Трубниковскому. Кое-где уже приотворялись окна, и в темных квадратах замелькали лица, удивленные и завороженные этим ночным вторжением великого искусства в их повседневную жизнь.

Наверное, никому и никогда не пришлось больше услышать этой арии Бориса в такой волшебной обстановке. Шаляпин закончил арию и стоял, разведя руки и подняв лицо к звездам. Он сам был растроган и удивлен:

— Да! Черт возьми! Я никогда еще не пел этой арии с таким удовольствием. Дышится-то как легко ночью!

Мой отец подошел к нему, обнял его и трижды поцеловал.

— Ну, Федя, разоделжил ты нас! Ничего лучше я не слышал...

Мы вышли на Новинский бульвар. Здесь нам надо было распрощаться с Шаляпиным. Наш путь лежал на Большую Садовую, где мы тогда жили. А Федор Иванович зашагал через бульвар. Статная фигура его в светлом пальто ныряла из густой тени деревьев в озера лунного света.

Все ускоряя шаг, он вдруг свистнул в два пальца и, легко перескочив через скамейку, исчез за деревьями в направлении своего дома. А за домом был сад, спускавшийся с набережной Москвы-реки. И в том саду меж цветущих деревьев громко шелкали и заливались трелями соловьи, словно пленяя великого русского певца, пленяя и заманивая...

С тех пор прошло более полувека, но память о замечательных русских людях живет и будет жить.

Дом Остроухова в Трубниковском переулке сохранился. Прекрасная коллекция икон, собранная Ильей Семеновичем, находится в Третьяковской галерее. В доме его теперь филиал Литературного музея. А в доме Федора Ивановича Шаляпина, на Новинском бульваре, ныне уступившем место улице Чайковского, открывается музей имени Шаляпина. В тех самых комнатах, где когда-то звучал его дивный, неповторимый голос.

Наталья
КОНЧАЛОВСКАЯ.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

136 СЕН 1983